

Т.В.Шмелева

«ИНВАЛИД ТЕЛЕВИДЕНИЯ» КАК МЕДИЙНЫЙ ТИПАЖ

В статье представлен один тип медийного поведения, который может быть обозначен как «инвалид телевидения». Первый этап анализа составляет обзор рассуждений студентов-журналистов, сформулированных ими на занятии в курсе медиалингвистики. В текстах студентов выявляются дефиниции, попытки дифференциации понятия, анализ причин и последствий, примеры таких персон. Далее проблема выводится в общемедийный план и вводится более общее понятие «медийной инвалидности», анализируются ее причины, связанные с современным состоянием медиасферы. Обсуждаются понятия здорового медиапотребления и медиаобразования в связи с обозначенной проблемой.

Ключевые слова: медиалингвистика, телевидение, телевидение, медиапотребление, медиаобразование, медийная инвалидность

Выражение «инвалид телевидения» принадлежит Сергею Борисовичу Пухачеву, новгородскому искусствоведа, директору Центра современного искусства. Оно встретилось в газетной статье об очередной «выставочной волне» в этом центре, где цитируется выступление С.Б.Пухачева на открытии: «*Мы продолжаем делать усилия по предотвращению превращения новгородской публики в инвалидов телевидения*». В этом случае ответственность за «предотвращение» возлагалась на фотоискусство: открывалась выставка фоторабот московских авторов [1].

Это выражение не объясняется в газете, потому, наверное, что кажется интуитивно понятным. Это подтверждает и лингвистический эксперимент, проведенный на занятиях в курсе медиалингвистики со студентами 4 курса бакалавриата направления журналистики в рамках аудиторной самостоятельной работы. В результате импровизированных рассуждений в письменной форме студенты-журналисты дали свои толкования выражению «инвалид телевидения». Не оценивая ответов (это могла бы быть другая — методическая работа), рассмотрим их как материал для обсуждения проблем медиалингвистики, чему и посвящена эта статья. С согласия авторов привожу ключевые фрагменты их письменных работ с сохранением стиля и указанием фамилий, выделив эти фрагменты в тексте курсивом.

Первое, на что стоит обратить внимание: выражение «инвалид телевидения» представляет собой метафору — метафору болезни, или морбуальную, характерную для современного мышления, что позволяет говорить о морбуальной оптике в первую очередь медийного взгляда на действительность [2]. Морбуальность метафоры вызывает медицинские ассоциации (болезнь — лечение — медицина), и это во многом определило ход мысли студентов и лексикон их рассуждений.

Основное понимание этого выражения выявляется в дефинициях. *Инвалид телевидения — это человек, всецело поглощенный просмотром телевизора, уделяющий этому большое количество времени. Поглощая информацию с экрана, он смотрит на реальность через призму телевидения, тем самым отбивая желание самостоятельно искать альтернативные источники и критически смотреть на мир. Вскоре телевизионная реальность подменяет собой настоящую. Его жизнь — жизнь, придуманная телевидением* (А.Денисова).

«Инвалид телевидения» — это вполне себе здоровый человек, работающий с девяти до шести где-то в офисе. Единственный его досуг — это просмотр телепередач после работы (А.Вихрова).

Инвалид телевидения — это метафора, которая оценивает современного человека, много внимания уделяющего просмотру телевизионных передач, новостей. Он зомбирован пропагандой: прокремлевской (1 канал, ВГТРК) или либеральной («Дождь»). Такой человек становится ограниченным. Вот только мобильности лишаются не его конечности, а его мозг. Инвалид телевидения — это аналог инвалида по зрению, только зрячесть он теряет чисто метафорически. Он видит и воспринимает только то, что диктуют ему телеведущие, а «засыпает под хруст огурца» после речей Екатерины Андреевой, как выразился главный редактор «Esquire» Игорь Садреев. Человек лишается способности мыслить самостоятельно, оценить окружающие его события своим умом. Оценку в его мозг внедряет телевидение (И.Кочерыгина).

Страсть к просмотру телевизионных передач, сериалов, шоу у некоторых людей настолько велика, что их можно назвать «инвалидами телевидения». Часто слыша от людей фразу «а по телевизору вот так сказали», я начинала задумываться об их ограниченном кругозоре. Здесь речь идет не о круге интересов и знаний человека, а об используемых им источниках. Ведь кому-то и в голову не приходит, что существуют другие мнения по поводу какого-либо вопроса, кроме того, что вещает телевидение. Инвалид телевидения — это и игрок онлайн-игр. Человек, сидящий перед телевизором, погружается в другую реальность, где можно забыть о своих неприятностях и выбрать модель поведения участника шоу (А.Матюшкина).

Медицинская логика приводит к мысли о степенях инвалидности (студенты еще не знают, что инвалидность измеряется «группами»). *Инвалид телевидения — это человек, доверяющий любому сказанному в визуальных медиа слову. Я думаю, им можно присвоить степени.*

3 степень — самая легкая, человека тянет к поглощению телевизионной еды, но он относится к ней более-менее избирательно, старается не есть все подряд.

2 степень — человек испытывает настоящий голод по ТВ-продуктам; сосет не «под ложечкой», а под мозжечком — мозг жаждет заполниться информацией так, чтоб ни о чем не думать; как правило, «пища» хорошо усваивается, но потом не переваривается.

1 степень — «пища» совсем не переваривается, отсутствует оценочное суждение при просмотре ТВ-программ; такого человека легко увести за собой, он ведомый; беспрекословное доверие любому СМИ; атрофия собственного мнения.

Инвалидам телевидения есть возможность помочь — всем им необходимо напомнить (возможно, с тех же экранов), что они способны сами рассуждать (М.Харохорина). Интересно отметить, что в этом рассуждении метафору болезни заменяет гастрономическая метафора: поглощение — пища — голод.

Но продолжая рассуждать медицински, студенты ставят вопрос о причинах такой «инвалидности» и ее последствиях.

Если человек подвергается слишком интенсивному воздействию сверх разумной меры, то это и может привести к «инвалидности». То есть психическая сторона могла нарушиться в человеке (человек «обсмотрелся») (А.Обрядин-Травкин).

Страсть к просмотру телевизора — одна из форм зависимости, за которой человек может прятать неуверенность в себе, недостаток общения или что-то еще. Принудительного лечения она, разумеется, не требует, но иногда все же лучше обратить на это внимание или хотя бы с кем-то поговорить (А.Синицына).

Некоторым людям просмотр телевизора заменяет любое общение с друзьями и близкими: часто такие люди выбирают просмотр своего любимого сериала времяпрепровождению с родными. Можно заметить, что человек, пропустивший программу, становится раздраженным и агрессивным. Не менее важно и то, что для некоторых людей жизнь персонажа становится важнее любых проблем. Как известно, телевидение является манипулятором, поэтому телеманам стоит уделять внимание познавательным программам. В этом случае будет положительный результат (А.Матюшкина).

В современном обществе телевизор часто заменяет людям живое общение с близкими, досуг. Как итог, человек сам «изолирует» себя от реальной жизни, проводя все свое свободное время у телевизора. Недаром его в народе прозвали «зомбоящик», как бы намекая на то, что телевидение умело зомбирует своих зрителей.

На мой взгляд, это самообман — считать, что просмотр различных остросюжетных сериалов способен компенсировать человеку недостаток ярких эмоций и впечатлений в реальной жизни. Но самое страшное, что «инвалид телевидения» пропускает свою жизнь за просмотром выдуманных жизней героев мыльных опер (Е.Григорьева).

Характерно, что при толковании понятия ответственность возлагается на самого «инвалида». Человек, зависимый от телевидения, сознательно, без принуждения запирает себя в четырех стенах, приковывая свой взгляд и разум к экрану. Сейчас продукт медиа рассчитан на таких «инвалидов». Выход нового сериала сезона, программа о путешествиях — все это как наркотический эффект: чем больше, тем лучше. Человек не осознает, что он становится зависим, что начинает поглощать все без разбора. Возможно, он уже и не инвалид — инвалидом становятся поневоле, а человек изначально осознанно принимает такой выбор и становится наркоманом, которому необходим каждый день просмотр телевизора (А.Кузнецова).

Интуитивно уловив, что речь идет об определенном типаже, студенты приводят конкретные примеры таких личностей, и в этой коллекции оказывается три разных типа людей.

Пожалуй, самый полный, собирательный образ инвалида телевидения был показан и высмеян на канале ГНТ в шоу «Наша Russia». Главный герой одного из их сюжетов Сергей Юрьевич Беляков представляет собой гипертрофированный портрет большинства зависимых от телевизора людей. Он неряшлив, ленив и все свободное время проводит у телевизора. Телевидение представило нам прекрасный образ зависимого от зомбоящика человека: растянутые трусики, некогда белая, а теперь заляпанная жирными пятнами «майка-алкоголичка», недельная небритость. Вишенкой на торте этого образа является любовь к разговорам и даже нешуточные споры с телевизором.

Самое интересное, что некоторые зрители видят в телевизоре Сергея Юрьевича Белякова, как свое собственное отражение в кривом зеркале, но даже не замечают или не хотят замечать. Как говорил Николай Васильевич Гоголь в своей комедии «Ревизор», «Над кем смеетесь? Над собой смеетесь!» (К.Корунов).

Бабушка вышла на пенсию, муж умер, дети с внуками навещают редко, и, как назло, самой выходить из дома все труднее физически. Но мозг требует впечатлений, он буквально голодает без них. И вот бабуля все больше времени начинает проводить у телевизора — единственного окошка в мир. А что там?

Конечно, в первую очередь — новости. А это пропаганда и однобокое отражение реальности, сенсационные заявления и освещение трагических происшествий. Критическое мышление падает от недостатков источников внешнего воздействия. Одиноким пожилой человек перенимает все то, что услужливо преподносит голубой экран. И теперь уже и на улице выходить не то что тяжело — страшно, ведь о хорошем говорят так редко.

Безусловно, это лишь один из типов «инвалидов телевидения». Этого можно было бы избежать, но в таких условиях — трудно. Чего не скажешь о других «инвалидах телевидения», жизнь которых полна возможностей, а зона комфорта все равно располагается перед экраном. Мне жаль этих людей (Н.Соколова).

На белого воротничка обрушивается информационный, развлекательный поток. В прайм-тайм по федеральным каналам транслируются передачи типа «Давай поженимся» и «Пусть говорят». После такого

контента у инвалида в первую очередь страдает мозг. Обилие образов, перенасыщение пустой информацией утомляет наши нейроны (А.Вихрова).

В студенческих рассуждениях не прозвучало модных сейчас идей отрицания телевидения, да и взгляд на проблему «телевизионной инвалидности» без пессимизма.

Я считаю, что ТВ — прекрасный источник информации, и любой вечер украсит просмотр комедийной передачи или хорошего фильма. Однако, если чрезмерный просмотр приносит вред здоровью, семейному укладу или положению в обществе, то необходимо принимать меры по преодолению этой «зависимости» (Е.Григорьева).

Сергей Пухачев утверждает, что современное искусство поможет выбить из поклонников телевидения инвалидность. Хотелось бы верить. Но ведь если такой инвалид встал с дивана и решительно отправился в культурный центр, — может, он не совсем инвалид? (И.Кочерыгина).

Важно, что, анализируя явление телевизионной инвалидности, студенты обращают внимание на то, что это не уникальное явление «ограничения возможностей».

Мне известна более серьезная болезнь, которой подвержено почти все молодое и взрослое поколение — интернет-зависимость и мобильная зависимость. И это серьезней, потому что телевизор у «инвалида» проще отобрать, чем телефон или интернет у нормального здорового человека (А.Кузнецова).

Диванные войска — это друзья инвалидов телевидения. Вместе они — аморфная аудитория. Это армия зашоренных людей. Им пора вылезти из своего зомбированного состояния, открыть глаза и воспринимать мир иначе. Заглянуть в холодильник для начала. Войти в интернет, но здесь есть опасность стать инвалидом интернета (И.Кочерыгина).

Итак, опираясь на свою интуицию, жизненный и в какой-то степени профессиональный опыт, студенты представили свое понимание выражения «инвалид телевидения».

Между тем это понятие вполне может получить статус термина медиалингвистики, точнее — медийного речеведения, одной из задач которого оказывается построение медийной персонологии — исчисление медийных ролей, профессий и типажей [3]. И с других теоретических позиций исследователи все активнее говорят о необходимости изучать медиаповедение, отмечая, что эта проблема не только медийная: «понятие «поведение» имеет непростую научную историю от изучения рефлексов животных в рамках зоологии и этологии до поведения человека в системах антропологии, психологии, психиатрии, социальной психологии, философии» [4]. Наиболее близким медийное поведение оказывается речевому, ведь в обоих случаях речь идет о человеке (языковой личности) и коммуникативных проявлениях личности.

Обращаясь к опыту изучения речевого поведения, можно отметить, что наряду с теоретическими разысканиями в этой области [5], можно найти работы, в которых описываются различные типы языковых личностей, или типажи — «русский интеллигент», «русский чиновник», «английский чудак» [6]. Поэтому легко предположить, что понятие «медийный типаж» вполне вписывается в такой подход, с учетом перехода в медиасферу. Не предполагая здесь осветить проблему медийного поведения в целом и наметить разнообразные роли, амплуа, профессии и должностные компетенции в медиасфере (это может стать содержанием особой большой работы), остановимся на характеристике медийного типажа, который обозначен интересующим нас выражением.

«Инвалид телевидения» — типаж, которого характеризует тип медийного поведения, предполагающего минимализацию участия в медиасфере и других видах общения, использования других источников информации (книг, кино, театров) «в пользу» одной медийной фактуры — телевизионной [7]. Социологи уже обращали внимание на это явление, обозначив его как «телевизация досуга» при «усредненном и сериализованном телевидении» [8]. Пишут об этом и люди поэтического склада, противопоставляя человека книги тем, кто «сосет телевизорный жмых, от которого тошнит» [9]. Разумеется, высказывались по этому поводу и теоретики медиасферы, отмечая, что телевидение стало «властителем дум» для большинства россиян, что и соответствует его природе, о которой писали философы Ж.Бодрийяр и П.Бурдьё [10].

Итак, типаж обозначен с разных позиций, его существование объяснено природой современного телевидения и вообще тенденциями развития медиасферы. Стоит только добавить (и это просматривается в рассуждениях студентов), что этот типаж представлен серией разновидностей: возможно, и есть инвалиды телевидения, которые потребляют все без разбору, но более вероятно, что инвалидность возникает на фоне приверженности разным программам — политическим; развлекательно-музыкальным; комедийным, где можно «поржать»; шоу, где обсуждаются житейские истории типа «Пусть говорят»; сериалам про «женщин трудной судьбы», детективам типа бесконечного «Следа» на 5 канале...

Важно отметить при этом, что «инвалиду телевидения» противостоит типаж, исключивший телевизор из своего медиапотребления. Мода «не смотреть телевизор» связана с желанием уйти от воздействия пропаганды, или зомбирования, как принято говорить, самостоятельно определять хронометраж своих визуальных впечатлений и их характер по своему вкусу. Отказ от телевизора на деле означает либо сокращение, если не исключение актуальной визуальной информации из личного опыта, либо получение ее из интернета, что грозит другой инвалидностью — интернетной.

На возможность стать «инвалидами интернета» обратили внимание и студенты в своих рассуждениях. И это уже давно официально признанное совсем не метафорическое заболевание: предложения избавиться от интернет-зависимости в самом интернете, кажется, не уступают рекламе средств, избавляющих от алкоголизма и

курения. Этот вид зависимости принял новые формы с распространением мобильных телефонов: человек, уткнувшийся в свой смартфон, — привычная деталь современного городского пейзажа.

Все эти факты приводят к мысли ввести понятие «**медийная инвалидность**», которым обозначить такое избыточное медиапотребление, когда медийная реальность — будь то газета, телевизор или интернет — поглощает несообразно большое время человека и — главное — вызывает замещение реальной действительности медийной. Человек получает готовые оценки и стандарты восприятия, его медиапотребление становится формой существования. При этом фактура медиа, «поглощающих» человека и вызывающих его инвалидность, не существенна — то есть можно говорить об инвалидности газетной, телевизионной, интернетной...

Едва ли не первой «газетную инвалидность» заметила М.Цветаева. В ее стихотворении 1935 года «Читатели газет» представлена ужасающая лирическую героиню картина: в вагоне парижского метро не видно лиц — все они закрыты газетами, и под стук колес «читатели газет» поглощают новости, которые мы сейчас называем «жёлтыми», — кто с кем живет, кто кого убил... В тексте стихотворения на фоне рефрена «читатели газет» разворачиваются три метафоры: механическая: качаясь, читатели *накачиваются тшкетой*; гастрономическая: *глотатели пустот — жвачный тик — газетный костоед — жеватели мастик*; наконец, метафора болезни: газета в руках пассажиров метро кажется *экземой*, читатели газет приравниваются к *чесателям корост*. И вся эта устрашающая картина вызывает крик: «*Гутенбергов пресс / страшней, чем Шварцев прах!*». Чем он страшен? Читатели газет, уткнувшись в газету с ее тшкетой, не видят жизни: «*Что для таких господ — закат или рассвет?*» [11].

Конечно, в современном метро наряду с уткнувшимися в газету можно увидеть еще и уткнувшихся в телефон. Это всё медийные инвалиды? Видимо, такой общий диагноз был бы слишком поспешным, но что этот типаж встречается, сомнений нет.

Причины нынешней медиаинвалидности довольно очевидны: медиасфера, усложняясь в фактурном плане, одновременно упрощается в плане доступности, информация в огромных объемах буквально преследует современного человека. И это ставит на повестку дня вопрос о **здоровом медиапотреблении**, которое состоит в том, чтобы, владея всеми фактурами современной медиасферы — печатной, радиной, телевизионной и интернет-фактурой, человек обладал бы волей и способностью самостоятельно и осознанно регулировать свое участие в массовой коммуникации. И невладение / плохое владение, и сознательный отказ от какой-либо из фактуры/фактур приводят к неадекватности не только досуга как одной из форм жизни, но и искажению картины мира человека, что чревато последствиями коммуникативного и ментального свойства.

Проблема «медийной инвалидности» выводит на проблемы широкого **медиаобразования** — не только профессионального, но и читательского/зрительского/пользовательского [12]. В этом случае следует говорить о культивировании медийной грамотности, которая позволяет человеку грамотно выстраивать свои отношения с медиа.

Медиалингвистический аспект проблемы видится в том, чтобы детально описать обозначенный медийный типаж и найти его место в общей картине современного медийного поведения. Прикладные задачи, связанные с «профилактикой и лечением», если продолжать медицинскую метафору, требуют особых наблюдений и исследований.

1. Боброва М. Чтобы не стать «инвалидом телевидения» // Новая новгородская газета. № 12. 25 марта 2015. С. 19.
2. Шмелева Т.В. Морбуальная оптика // Лингвистика: бюл. Уральского лингвистического общества / Отв. ред. А.П.Чудинов. Екатеринбург, 2001. Т. 7. С. 4-15.
3. Шмелева Т.В. Медиалингвистика как медийное речеведение // Медиатекст как полиинтенциональная система: сб. статей / Отв. ред. Л.Р.Дускаева, Н.С.Цветова. СПб., 2012. С. 56-61.
4. Жилавская И.В. Медиаповедение личности. Обретение смысла // Личность и медиа: сб. статей факультета журналистики МГГУ им. М.А.Шолохова / Сост. Т.Н.Владимирова, И.В.Жилавская. М., 2011. С. 11.
5. Нерознак В.П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Язык. Понимание. Перевод. М., 1996. С. 112-116; Вопросы лингвоперсонологии. Ч. 1. Барнаул, 2007. 222 с.; Иванцова Е.В. Лингвоперсонология. Основы теории языковой личности. Томск, 2010. 160 с.
6. Седов К.Ф. Речевое поведение и типы языковых личностей // Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург, 2000. С. 298-311; Лингвоперсонология. Типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение. Барнаул — Кемерово, 2006. 435 с.; Карасик В.И. Коммуникативный типаж // Аксиологическая лингвистика: проблемы и перспективы. Волгоград, 2004. С. 48-50; Карасик В.И. Языковые ключи. М., 2009. Глава 2. Лингвокультурные типажи. С.176-261.
7. Шмелева Т.В. Фактурология в контексте медиалингвистики // Речевое общение: спец. вестник / Под ред. А.П.Сковородникова. Вып. 14 (22). Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2012. С.138-145.
8. Дубин Б. Прощание с книгой [Электр. ресурс] // Новое литературное обозрение. 2015. № 2 (132). URL: <http://www.nlobooks.ru/node/6138> (дата обращения: 01.05.2016).
9. Найман А. Неповинующая словесность [Электр. ресурс] // Новая газета. 30.03.2016. URL: <http://www.novayagazeta.ru/columns/72452.html> (дата обращения: 01.05.2016).
10. Варганова Е.Л. О современных медиа и журналистике. Заметки исследователя. М., 2015. С. 28-29.
11. Цветаева М.И. Читатели газет // Цветаева М.И. Стихотворения и поэмы. Л., 1990. С.448-449. Из комментария: Шварцев прах — порох. С. 748.
12. Жилавская И.В. Медиаобразование аудитории как зона ответственности журналистики // Международная научно-практическая конференция НАММИ «Актуальные проблемы медиаисследований-2016»: Материалы конференции. М.: Ф-т журн. МГУ, 2016. С. 70-72.

References

1. Bobrova M. Chtoby ne stat' «invalidom televideniya» // Novaya novgorodskaya gazeta. № 12. 25 marta 2015. S. 19.
2. Shmeleva T.V. Morbual'naya optika // Lingvistika: byul. Ural'skogo lingvisticheskogo obshchestva / Otv. red. A.P.Chudinov. Ekaterinburg, 2001. T. 7. S. 4-15.
3. Shmeleva T.V. Medialingvistika kak mediynoe rechevedenie // Mediatekst kak poliintentsional'naya sistema: sb. statey / Otv. red. L.R.Duskaeva, N.S.Tsvetova. SPb., 2012. S. 56-61.
4. Zhilavskaya I.V. Mediapovedenie lichnosti. Obretnenie smysla // Lichnost' i media: sb. statey fakul'teta zhurnalistiki MGGU im. M.A.Sholokhova / Sost. T.N.Vladimirova, I.V.Zhilavskaya. M., 2011. S. 11.
5. Neroznak V.P. Lingvisticheskaya personologiya: k opredeleniyu statusa distsipliny // Yazyk. Ponimanie. Perevod. M., 1996. S. 112-116; Voprosy lingvopersonologii. Ch. 1. Barnaul, 2007. 222 s.; Ivantsova E.V. Lingvopersonologiya. Osnovy teorii yazykovoy lichnosti. Tomsk, 2010. 160 s.
6. Sedov K.F. Rechevoe povedenie i tipy yazykovykh lichnostey // Kul'turno-rechevaya situatsiya v sovremennoy Rossii. Ekaterinburg, 2000. S. 298-311; Lingvopersonologiya. Tipy yazykovykh lichnostey i lichnostno-orientirovannoe obuchenie. Barnaul — Kemerovo, 2006. 435 s.; Karasik V.I. Kommunikativnyy tipazh // Aksiologicheskaya lingvistika: problemy i perspektivy. Volgograd, 2004. S. 48-50; Karasik V.I. Yazykovye klyuchi. M., 2009. Glava 2. Lingvokul'turnye tipazhi. S.176-261.
7. Shmeleva T.V. Fakturologiya v kontekste medialingvistiki // Rechevoe obshchenie: spets. vestnik / Pod red. A.P.Skovorodnikova. Vyp. 14 (22). Krasnoyarsk: Sib. feder. un-t, 2012. S.138-145.
8. Dubin B. Proshchanie s knigoy [Elektr. resurs] // Novoe literaturnoe obozrenie. 2015. № 2 (132). URL: <http://www.nlobooks.ru/node/6138> (data obrashcheniya: 01.05.2016).
9. Nayman A. Nepovinuyushchayasya slovesnost' [Elektr. resurs] // Novaya gazeta. 30.03.2016. URL: <http://www.novayagazeta.ru/columns/72452.html> (data obrashcheniya: 01.05.2016).
10. Vartanova E.L. O sovremennykh media i zhurnalistike. Zаметki issledovatelya. M., 2015. S. 28-29.
11. Tsvetaeva M.I. Chitateli gazet // Tsvetaeva M.I. Stikhovoreniya i poemy. L., 1990. S.448-449. Iz kommentariya: Shvartsev prakh — porokh. S. 748.
12. Zhilavskaya I.V. Mediaobrazovanie auditorii kak zona otvetstvennosti zhurnalistiki // Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya NAMMI «Aktual'nye problemy mediaissledovaniy-2016»: Materialy konferentsii. M.: F-t zhurn. MGU, 2016. S. 70-72.

Shmeleva T.V. “TV-disabled personality” as a media type. The article presents one type of media behaviour that can be called as “TV-disabled”. At the first stage of analysis we review students' essays on this topic, created in the course of studying media linguistics. In their essays students give the definition, attempt to differentiate the concept, analyze causes and effects, give examples of such TV-disabled personalities. After that, we tackle this issue in the context of media linguistics and introduce a more general term “media disability”, analyze its causes, related to the current state of mediasphere. Healthy media consumption and media education in connection with the problem are discussed.

Keywords: media linguistics, TV, media consumption, media education, media disability.

Сведения об авторе. Т.В.Шмелева — доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры журналистики Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого; szmiel@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 16.05.2016.